

ИЗ ПОЧТЫ "ОНС"

Плагиат? Об этике в науке

Уважаемый господин главный редактор!

В течение ряда лет я являюсь постоянным читателем, а иногда и автором Вашего журнала. Сегодня, на мой взгляд, "Общественные науки и современность" - один из самых интересных российских журналов по вопросам обществоведения как с точки зрения тем, выносимых на обсуждение, так и с точки зрения качества самого *обсуждения*. Тщательная редакторская работа и - вместе с тем - уважительное отношение к авторскому тексту положительно отличают Ваш журнал от многих других.

Одним из ярких примеров нестандартного отношения к формированию содержания журнала, безусловно, стал тематический номер, посвященный гендерным исследованиям в России ("ОНС", 2000, № 4). Важность подобного номера очевидна - отсутствие доступной качественной отечественной литературы по этой тематике зачастую восполняется невнятными переводами зарубежных текстов и псевдонаучными размышлениями "о непонятном", написанными к тому же на плохом русском языке. Ваш тематический номер - приятное исключение, хотя и не без своей ложки дегтя. Об этой "ложке", собственно, и речь.

В июне 1997 года я написал статью "Видимость мужественности", посвященную анализу модели "современного мужчины" и опубликованную на страницах нового (тогда еще) глянцевого журнала "Медведь". С декабря 1997 года и по сей день статья доступна в Интернете - на сервере "Русского журнала" по адресу: <http://www.russ.ru/journal/media/97-12-15/usakinhtm>. Фрагменты статьи были опубликованы в "бумажной" версии "Русского журнала" - журнале "Пушкин", а полностью статья напечатана сначала в журнале "Рубеж" (1998, № 12), затем в сборнике научных статей "Женщина не существует: современные исследования полового различия" под редакцией Ирины Аристарховой (Сыктывкар, 1999) и, наконец (без библиографии; в журнале "Знамя" (1999, № 2). За исключением "Русского журнала", все публикации были сделаны без моего ведома - текст начал свою собственную жизнь.

Однако что бы ни говорили поклонники Р. Барта, самостоятельная жизнь конкретного текста не всегда и не везде должна сопровождаться "смертью" его автора - минимальные стандарты академической порядочности требуют указания источников заимствованных идей, формулировок, концепций, цитат и тому подобных дискурсивных продуктов. То, что усвоение этих стандартов не происходит автоматически и требует практики (и контроля), хорошо демонстрирует статья "Рекламные технологии гендера", опубликованная в "ОНС" (2000, № 4) под именем Игоря Васильевича Грошева, доцента Тамбовского университета им. Г. Державина

Легко цитируя иностранные тексты на английском, немецком и французском языках, тамбовский ученый последовательно демонстрирует весьма непростые отношения с указанием источников цитат - так, Пьер Бурдьё становится П.С. Бурденом, Юлия Кристева - Б. Кристевой, а цитата из интернетовской версии энциклопедии "Британника" отсылает к несуществующему адресу. Подлинного радикализма подобное отношение к оформлению справочного аппарата достигает при использовании г-ном Грошевым русских источников. Не имея возможности проверить все русские тексты, которые г-н Грошев использует в работе, опубликованной под своим именем, приведу лишь несколько примеров, касающихся моей статьи "Видимость мужественности". В 1997 году я писал: «Успех журналов типа "Медведь", как и основной массы рекламной продукции, нацеленной на продажу не столько товара, сколько образа жизни.

зависит от того, насколько удалась или не удалась идентификация потенциального потребителя/читателя с предложенной ему моделью или обстоятельствами. Иначе говоря, от того, насколько легко конкретный человек способен "примерить" на себя предложенную ему ситуацию и/или идентичность. С этой точки зрения, строго говоря, абсолютно не важно то, каким образом идентификация достигает успеха - посредством метафорических фантазий либо посредством практической - т.е. метонимической - реализации предложенных советов. Важным является то, что и умозрительное "потребление" образов, в первом случае, и вполне практическое потребление конкретных "статусных" товаров - во втором, используют в качестве исходной основы ту идентификационную динамику, которая задается и постоянно воспроизводится рекламой или, в данном случае, журналом» [с. 157; все цитаты из "Видимости мужественности" даются по публикации в журнале "Знамя", 1999, № 2, с. 152-164].

А вот как выглядит *основной вывод* статьи ученого из Тамбова: «...секрет неминуемого успеха основной массы рекламной продукции, нацеленной на продажу не столько товара, сколько образа жизни, напрямую будет зависеть... от того, насколько удалась или не удалась идентификация потенциального потребителя с предложенной ему ситуацией и/или идентичностью. С этой точки зрения, строго говоря, абсолютно не важно, каким образом идентификация достигает успеха - посредством метафорических фантазий либо посредством практической, т.е. метонимической, реализации предложенных советов. Важным является то, что и умозрительное "потребление" образов в первом случае, и практическое потребление конкретных "статусных" товаров — во втором использует в качестве исходной основы ту идентификационную динамику, которая задается и постоянно воспроизводится рекламой» ["ОНС", 2000, № 4, с. 185, 186].

Понятно, что *заключительный вывод* - это не единственный пример той интертекстуальной политики цитирования, которую практикует г-н Грошев. В своих (?) интерпретациях кандидат психологических наук не менее (и не более) оригинален. Например, предлагая свою трактовку, я писал: «На мой взгляд, концепция "видимости мужественности"... довольно удачно описывает два принципиальных аспекта мужской половой идентичности. С одной стороны, эта концепция позволяет говорить о мужественности как перформативном, показательном, обозреваемом, инсценированном явлении, рассчитанном на определенного зрителя. С другой стороны, идея "видимости" акцентирует иллюзорный, фантазматический, символический характер мужественности» ["Знамя", с. 153].

В грошевской интерпретации 2000 года данный текст приобрел следующий вид: «С одной стороны, такого рода репрезентации позволяют говорить о маскулинности в рекламе как о перформативном, показательном, обозреваемом, инсценированном явлении, рассчитанном на определенного зрителя. С другой стороны, идея "невидимости" акцентирует иллюзорный, фантазматический, символический характер маскулинности...» ["ОНС", с. 178, 179].

Приведу еще один пример. Говоря о соотношении формы и содержания, я отмечал в своей статье, что «...форма начинает выполнять не столько репрезентативную, представительскую, отображающую, сколько конституирующую функцию. Именно поэтому повышенное значение приобретают различного рода "манifestации", "символы", "знаки" или - проще - ярлыки, отсылающие к другим смысловым кодам, другим, не явным, не очевидным, но имеющим первостепенное значение иерархиям. Говоря иначе, формальные элементы начинают использоваться для обозначения, т.е. материализации, *отсутствия* элементов содержательных, - как в силу невозможности непосредственного присутствия последних, так и зачастую в силу их фантомного характера» ["Знамя", с. 154]. В версии г-на Грошева "репрезентативный" и "отображающий" утратили свое синонимическое сходство. Однако подобные семантические инновации практически не повлияли на структуру украденного текста. В грошевской инкарнации процитированный текст обрел следующее содержание: «...форма начинает выполнять не столько представительскую, отображающую, сколько репрезентативную функцию. Именно поэтому повышенное значение приобретают различного рода "манifestации", "символы", "знаки" или - проще - ярлыки, отсылающие к другим смысловым кодам, другим, не явным, не очевидным, но имеющим первостепенное значение иерархиям. Говоря иначе, формальные элементы начинают использоваться для обозначения, т.е. материализации, *отсутствия* элементов содержательных, - как в силу невозможности непосредственного присутствия последних, так и зачастую в силу их фантомного характера» ["ОНС", с. 181].

Примеров подобного беззастенчивого воровства в тексте, опубликованном под именем Грошева, немало. Более того, не указывая непосредственного источника, г-н Грошев цитирует мои переводы из энциклопедии "Британника" ("ОНС", с. 181), из работ П. Бурдые ("ОНС", с. 179), М. Кляйн ("ОНС", с. 181). В одном из таких случаев М. Кляйн, словно демонстрируя

общий тезис о подвижности половой идентичности - да и степень знакомства г-на Грошева с цитируемыми им документами - под пером г-на Грошева стала М. Кляйном ["ОНС", с. 185]. Особенно трогательно в исполнении г-на Грошева выглядят тщательно скопированные сноски о соотношении фантазий и реальности. Правда, для тамбовского исследователя преодоление расстояния между фантазией и реальностью оказалось менее трудным - сослагательное наклонение фантазматических представлений о "себе-каким-бы-я-мог-быть" он заменил на утвердительное - "каким-я-могу-быть" [с. 186]. Даже в единственном случае, где ссылка на "Видимость мужественности" все-таки дана, г-н Грошев, заимствуя целый абзац из моей статьи, выделяет кавычками лишь часть одного предложения... [с. 179]. Нужно ли говорить, что при этом г-н Грошев указывает страницу, не имеющую ничего общего с моим текстом.

Разумеется, сам по себе этот яркий пример интеллектуальной клеptomании, ассоциированной с именем Грошева, вряд ли представляет какой бы то ни было интерес. Важность данного случая, на мой взгляд, в другом - в той тенденции, которую имя г-на Грошева *репрезентирует*. Широкий доступ к отечественной и зарубежной информации, многократное увеличение числа профессиональных изданий, публикации в Интернете - все это практически сводит на нет какие бы то ни было редакторские стремления "проверить" или "установить" подлинность и оригинальность аргументов и фактов, используемых в рукописях, предлагаемых к публикации. В условиях невозможности *внешнего* контроля профессиональная этика может быть единственным эффективным механизмом, способным противостоять попыткам придать личной непорядочности форму интеллектуального продукта. Однако и выработка этических норм и их усвоение требуют времени и сил. Учитывая ту роль, которую играют "Общественные науки и современность" в формировании профессионального сообщества исследователей и преподавателей, на мой взгляд, журнал мог бы стать влиятельным инициатором широкой дискуссии об основных принципах профессиональной этики исследователей-обществоведов, степени их академической свободы и академической ответственности. Иначе, без четко сформулированных (и реализуемых на практике) понятий и принципов профессионального поведения, научно-педагогическое сообщество может быстро оказаться в ситуации интеллектуального и морального распада. Я надеюсь, что публикация данного письма на страницах Вашего журнала поможет начать такую дискуссию.

С уважением,

С. Ушакин,

канд. политич. наук, докторант кафедры социокультурной антропологии
Колумбийского ун-та (Нью-Йорк)

Филадельфия.
28.08.2000

Компания «ЭКСПО-ПАРК Выставочные проекты»
EXPO-PARK Exhibition Projects Company
приглашает на
welcome to

non-fiction№3

«non-fiction» —

Международная ярмарка интеллектуальной литературы
the International Book Fair of high-quality fiction and non-fiction

28 ноября - 2 декабря 2001
November 28 - December 2, 2001

117049 Москва, Крымский вал, 10, Центральный дом художника, оф. 165
Тел./факс: (095) 238-4500/238-4516
of. 165, Central House of Artist, 10 Krymsky Val, Moscow 117049 RF
Telefax: +7(095) 238-4500/238-4516

E-mail: mailbox@expopark.ru; Internet: <http://www.expopark.ru>

Сдано в набор 25.04.2001 Подписано к печати 04.06.2001 Формат бумаги 70 x 100/16
Офсетная печать. Усл.печл. 15,6 Усл.кр.-отт. 32,4 тыс. Уч.-издл. 18,5 Бум.л. 6,0
Тираж 2046 экз. Зак. 2259

Свидетельство о регистрации №0110134 от 04.02.93
Министерство печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Адрес редакции: 119991 Москва, Мароновский пер., 26
Адрес издателя: 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Отпечатано в ППП "Типография "Наука". 121099 Москва, Шубинский пер., 6